

УДК 821.112.2

DOI: 10.17223/19986645/47/7

А.В. Елисева

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНОГО И ГЕНДЕРНОГО КОДОВ В РОМАНЕ АЛЬФРЕДА ДЁБЛИНА «БЕРЛИН АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ»¹

В статье рассмотрена взаимосвязь гендерных и национальных кодов в романе Альфреда Дёблина «Берлин Александерплац». Используются методы нарратологического анализа, особенно гендерной нарратологии, а также гендерный и постколониальный дискурс-анализ. Сделаны выводы о тесной взаимосвязи гендерных и национальных конструктов, которая реализуется как в речи персонажей романа, так и в повествовательных стратегиях текста. Выявлены общие механизмы национального и гендерного конструирования.

Ключевые слова: Альфред Дёблин, немецкая литература первой половины XX в., гендерные исследования, постколониальные исследования, гендерная нарратология.

Роман «Берлин Александерплац» («Berlin Alexanderplatz») Альфреда Дёблина (Alfred Döblin, 1878–1957) с момента своего появления в 1929 г. почти неизменно находится в фокусе интереса исследователей. Произведение, считающееся образцом европейского модернизма, рассматривалось в аспектах интертекстуальности, интермедиальности, новаторства нарративных стратегий, дискурса большого города и т.д. [1. С. 111–117]. При этом некоторые измерения романа на протяжении многих лет оставались незамеченными. Так исследовательница Мария Татар отмечает, что в секундарной литературе долго игнорировали мизогинный характер наррации в романе, проявляющийся в сухом и деловитом перечислении многочисленных изнасилований, убийств, избиений женщин [2]. Вслед за Эриком Ренчлером [3. Р. 200] Татар небезосновательно полагает, что ряд гендерных аспектов романа, в том числе настойчиво присутствующая в нём тематика насилия по отношению к женщинам, стали явными во многом благодаря его экранизации, выполненной в 1980 г. Райнером Вернером Фасбиндером. Помимо гендерной проблематики, роман, созданный незадолго до прихода Гитлера к власти автором-евреем, которому в 1933 г. пришлось покинуть Германию, содержит и фрагменты националистического, шовинистического дискурсов, ставшие элементами многоголосия большого города, смоделированного в тексте. Стоит сказать, что отношение Дёблина к национальному, в том числе к еврейскому, вопросу и его выражение в творчестве писателя до сих пор является предметом дискуссии, некоторые участники которой упрекают автора «Берлин Александерплац» в проявлениях расизма и антисемитизма [4].

В произведении Дёблина присутствуют различные высказывания на гендерную и национальную тему, а также суждения, объединяющие оба этих начала. В данной статье материалом рассмотрения стали именно элементы

¹ Статья написана при поддержке немецкого научного фонда имени Александра фон Гумбольдта, которому я хочу выразить здесь свою благодарность.

нарративной структуры, комбинирующие гендерные и национальные конструкты. Поскольку такая взаимосвязь на материале романа Дёблина анализируется впервые, можно говорить о новизне данного исследования. Интенсивно развивающееся в последнее время сотрудничество гендерных и постколониальных исследований, особенно тех, которые основаны на конструктивистском подходе к феномену гендера и нации, делает данный анализ особенно актуальным. Методология исследования связана со спецификой рассматриваемого предмета: применяется нарратологический анализ, особенно подход нового направления – гендерной нарратологии [5], а также дискурс-анализ с позиций гендерной и постколониальной критики. Следует отметить, что исследователи уже не раз обращались к взаимодействию национальных и гендерных конструктов на материале текстов различных национальных литератур [6, 7].

В романе «Берлин, Александерплац» наблюдаются две стратегии комбинирования национальных и гендерных конструктов: одна заключается в том, что соответствующие суждения вложены в уста различных героев, как главных, так и второстепенных. Другая стратегия приводит к соположению в тексте романа национально и гендерно коннотированных эпизодов, обнаруживающих таким образом свой параллелизм и семантическое родство.

Носительницей представлений, комбинирующих гендерные и национальные конструкты, является в романе один из центральных персонажей – Мицци (Эмилия Парзунке, Соня). То, что она взяла себе имя ‘Соня’, героиня объясняет тем, что у неё находят черты внешности русской женщины: *Зовут её Эмилия – Эмилия Парзунке, но она попросила, чтобы Франц звал её Соней. Так Ева её назвала: скулы, говорит, у неё русские* [8. С. 301]. Следует заметить, что имя ‘Соня’, данное автором героине, занимающейся проституцией, возможно, позаимствовано им из романа «Преступление и наказание» (1866) Ф.М. Достоевского и создаёт интертекстуальную связь с творчеством русского писателя, на которую уже указывали в исследовательской литературе [9. S. 213], это может послужить материалом отдельного исследования. За этой, скорее позитивной (связанной с присвоением) оценкой инонационального начала следует, однако, со стороны Эмилии-Сони-Мицци негативное восприятие гендерного порядка в России. Узнав о том, что её возлюбленный Франц некогда вступал в связь с женщинами, надоевшими Рейнхольду, Мицци отвергает эту информацию, говоря о том, что практика обмена женщинами характерна для России, а не для Германии: *Это вы расскажите своей бабушке про обмен женщинами и тому подобное. Кто-то мне говорил, что это теперь в России так заведено. Вы часом, не оттуда? А у нас этого не бывает* [8. С. 380]. В высказывании персонажа явно различимы отголоски распространённых в 1920–1930-х гг. слухов об обобществлении («национализации») женщин в Советской России. Эмилия-Соня-Мицци несколько позже возвращается к этому представлению об обмене женщинами в России: *Но нет, этого мой Франц не сделает, он же не русский, чтобы меняться женщинами, враки всё это!* [8. С. 382]. Примечательно, что отрицательное отношение к определённому гендерному порядку соединяется у персонажа с другой страной, в данном случае с Россией. Аналогичное соединение делает и Рейнхольд: отвергая возможность одновременно состоять в отношениях с двумя

женщинами, он из-за многожёнства, принятого в мусульманских странах, приписывает такое поведение туркам и говорит Францу: *Не могу же я требовать от человека, чтобы он с двумя бабами путался! Ты же не турок*. [8. С. 211]. Характерно при этом, что в обоих случаях персонажи ссылаются на некие националистические мифы, поскольку в Советской России никогда не проводилась «национализация женщин», а многожёнство в Турции было запрещено указом Мустафы Кемали Ататюрка к 1920-м гг., когда происходит действие романа «Берлин Александерплац». Один из многочисленных второстепенных персонажей романа, с которым Биберкопф знакомится в пивной, рассказывает о гендерном порядке в Америке, также обладающем, по его описанию, налётом причудливости и экзотизма: *Ну вот, женился тот человек в Америке и в ус не дует. А жена возьми да окажется негритянка. «Что? – говорит он, – ты негритянка?» И трах! – вышвырнул её вон. Потом ей пришлось раздеваться перед судом. Осталась в одних трусиках. Сперва, конечно, не хотела, стеснялась, ну, а потом всё равно пришлось. Большая важность, подумаешь? А кожа у неё была совсем белая. Потому как она метиска. А муж своё – негритянка и всё тут. Почему? Да потому что на ногах у неё не белые, а коричневатые лунки. Стало быть – метиска. Несмотря на то, что рассказчик затем упоминает требование женщины возместить моральный ущерб, он и его слушатели с пониманием относятся к дискриминации как по расовому, так и по гендерному признаку, к тому, что мужчина не хотел жениться на негритянке, к тому, что, выйдя замуж, женщина потеряла работу и к тому, что на разведённой не всякий женится [8. С. 207]. Осуждая размышления, содержащиеся во фрагменте романа Габриэля Д'Аннунцио «Сладострастие», о том, что одна женщина может заменить другую, Франц Биберкопф непосредственно связывает такой «извращённый», с его точки зрения, образ мысли с происхождением автора: *Обрати внимание, эту свинью зовут д'Аннунцио; небось испанец или итальянец, а то и американец...* [8. С. 72]. Примечательно, что для персонажа разница между «американцем», «испанцем» и «итальянцем» не играет роли, чуждые и неприемлемые для него гендерные представления он коннотирует как иностранные: *И такую чушь он, испанец этакий, даёт печатать? Да будь я наборщиком – не стал бы набирать* [8. С. 72].*

Другим странам, нациям с их сомнительным, с точки зрения персонажей, гендерным порядком противопоставлен в их высказываниях «немецкий мужчина» с его правильным поведением. Рекламирующий держатели для галстуков Франц заявляет, что «немецкий мужчина» (*Ein deutscher Mann* [10. S. 70]) покупает только первосортный товар. Цитата на немецком языке здесь и далее приводится, потому что в переводе произошла утрата гендерной характеристики субъекта («мужчина»). «Настоящих немецких мужчин» превозносит и инвалид, с которым Франц Биберкопф знакомится в парке Хазенхайде (*Bist du ein deutscher Mann? Bist du kerndeutsch?* [10. S. 81]). Тем, что он «немецкий мужчина» (*ein deutscher Mann* [10. S. 129]), преданный до гроба, над которым «гордо реет стяг наш, чёрно-бело-красный» [8. С. 152], гордится Франц. Речь идёт о чёрно-бело-красном флаге Германского государства с 1871 до 1919 г., на некоторое время возрождённом впоследствии при Гитлере. В этом же фрагменте Биберкопф в своём внутреннем монологе высказывает убежде-

ние, что настоящие немецкие мужчины не должны быть обманщиками. Интересно, что в немецком тексте протагонист использует слово „Affe“ (обезьяна) как ругательное по отношению к евреям [10. S. 25], женщинам [10. S. 382] и политическому противнику, которого он, что характерно, также обзывает «мулатом» [10. S. 85]

Не только персонажи высказывают суждения, соединяющие национальные и гендерные коды, они возникают и в интекстах, которые включает в повествование нарратор. Немецкой женщине отводится роль матери во фрагменте смоделированного нарратором дискурса, соединяющего националистические призывы к росту самосознания немецкой нации после поражения в Первой мировой войне, характеристику плохого экономического положения в Германии и рекламу: *Роды – ответственный момент в жизни каждой женщины. Готовиться к этому испытанию – долг будущей матери. Все мысли и чувства её обращены к не рождённому ещё ребёнку. Поэтому правильный выбор напитков для будущей матери приобретает особое значение. Настоящее карамельно-солодовое пиво Энгельгардта полезно беременным* [8. С. 146]. Другое упоминание немецкой женщины возникает также в рекламном тексте: *Ах, как чудно пахнет! Запах чайной розы – эти духи во вкусе интеллигентной немки: их аромат нежен, но устойчив* [8. С. 326]. В оригинале фигурирует словосочетание *eine kultivierte deutsche Frau* [10. S. 278]. Таким образом, как в речах персонажей, так и в обезличенных дискурсивных фрагментах, вмонтированных в роман, проявляется широко распространённое в 1920-х гг. возвеличение «немецкого мужчины», наделяемого в тексте практичностью, высокой самооценкой, порядочностью, преданностью. Немецкой женщине отводится хороший вкус, привлекательность (в том числе благодаря изысканному запаху), основной ролью объявляется материнская, что, впрочем, любопытно контрастирует с репертуаром женских персонажей романа, которые все без исключения являются бездетными. Другим народам и странам героини «Берлин Александерплац» приписывают элементы поведения, в том числе сексуального, которое они полагают отклоняющимся от нормы, при том что норма связывается ими с Германией. Прослеживается также объединение гендерного и расового угнетения.

Не только персонажи романа соединяют в своих суждениях гендерные и национальные представления. Сходство гендерных и национальных конструкторов раскрывает также нарратор произведения. Данное исследование методологически опирается на теорию Вольфа Шмида, различающего конкретного автора с его биографией, мировоззрением и т.п. (т.е. в данном случае Альфреда Дёблина), абстрактного автора, воплощением которого является весь текст в целом, а также нарраторов разных уровней [11. С. 39–95]. Соединение гендерных и национальных конструкторов в романе «Берлин Александерплац» осуществляет эксплицитно присутствующая в тексте фигура нарратора. Представление о взаимосвязи гендерного и национального порядков возможно также соотнести с инстанцией абстрактного автора, которая порождает все смыслы текста. При этом нарративной стратегией обнаружения национального и гендерного порядков являются соположение и параллелизм эпизодов, созданные повествовательной инстанцией.

Благодаря нарративным стратегиям романа возникает аналогия между поведением протагониста по отношению к различным дискриминируемым группам (женщинам, евреям, гомосексуалам). В первую очередь интересен в этом отношении нарративный параллелизм эпизодов после выхода Биберкопфа из тюрьмы в начале романа и после выхода из запоя, к которому привело первое большое поражение героя – коварство Людерса. И в первом, и во втором случае восстановление сил и душевного равновесия протагониста начинается с посещения евреев. В первой ситуации еврей Нахум сам находит во дворах блуждающего там, потерянного Франца, приводит его в дом и рассказывает ему историю Цанновича. Во втором эпизоде, выйдя из запоя, протагонист сам навещает евреев и слушает их рассказы. Примечательно, что после визита к евреям персонаж отправляется к женщинам. В первом случае он сначала делает попытку сексуального контакта с проституткой, когда эта попытка не удаётся, Биберкопф идёт и насилует Минну, сестру убитой им Иды. Во второй ситуации он также отправляется после посещения евреев к Минне, но не застаёт её дома и получает отпор от мужа женщины. Примечательна взаимосвязь: для того чтобы восстановить силы и самооценку, персонажу в двух случаях оказываются нужны представители другой национальности, евреи, а также женщины. Важно, что и те и другие относятся в Германии этого периода к дискриминируемым группам, их социальный статус существенно ниже, чем статус немецкого мужчины. Параллелизм обнаруживает и отношение Биберкопфа к евреям и к женщинам. Не испытывая агрессии ни к тем, ни к другим, он полагает себя человеком, занимающим более высокую ступень в социальной иерархии. Так протагонист становится продавцом антисемитской газеты «Фолькишер беобахтер» и ходит с нацистской повязкой: *Он ничего не имеет против евреев, но стоит за порядок* [8. С. 97]. В другом эпизоде Биберкопфу представляется забавной идея продать «Фолькишер беобахтер» знакомым евреям: *А ведь евреи мои где-то поблизости живут, как же помню – тогда это со мной в первый раз приключилось. Надо бы как-нибудь к ним заглянуть, могут разок купить у меня «Фолькишер беобахтер». Почему бы и нет? Только купили бы, а там пусть что хотят, то и делают с газеткой. При этой мысли Франц ухмыляется.* Характерно при этом чувство национального превосходства протагониста, побуждающее его подшучивать над представителями другой национальности, а также нечувствительность к унижению чужого национального достоинства. Аналогично отзывается протагонист и о женщинах. Не испытывая по отношению к ним, как и к евреям, враждебности, он полагает женщину существом более низкого порядка. Так проблемы Рейнхольда с женщинами сначала вызывают у него смех: *Франц хохотал до упаду: смотри, пожалуйста, он баб всерьёз воспринимает! Вот бы не подумал про него; значит, у него тоже винтика не хватает* [8. С. 208]. В другом эпизоде персонаж, однако, призывает к определённом гуманизму по отношению к женщинам, снисходительный характер его суждений напоминает при этом размышления об евреях: *Баба – тоже человек, нельзя с ней так* [8. С. 220]. Такая взаимосвязь и параллелизм восприятия женщин и евреев в сознании Биберкопфа напоминает дискурс известного трактата Отто Вейнингера «Пол и характер» („Geschlecht und Charakter“, 1902), где автор сравнивает женщин и евреев, отказывая тем и другим в способности руко-

водствоваться моральными принципами, обвиняя в чувственности, объявляя тех и других существами низшего порядка [12]. Подобная гендерная и национальная модель присутствует также в сознании Биберкопфа.

Примечательно, что национальную и гендерную иерархию персонажи связывают с понятием 'порядка' (Ordnung), некоей структуры, нуждающейся в сохранении. Как показывает процитированный выше отрывок, «порядок» определяет отношение Биберкопфа к евреям, к «порядку» апеллирует и Рейнхольд, пренебрежительно относящийся к женщинам. Поскольку слово «порядок» было утрачено в русском переводе, здесь дана цитата на немецком языке: *Bist die fünfhundertste oder tausendste Frau, die ick habe, ging alles gut und in Ordnung bisher, wird auch jetzt in Ordnung gehen* [10. S. 344].

Стоит отметить также, что снисходительно-пренебрежительного отношение Биберкопф демонстрирует не только к евреям и женщинам, но также к гомосексуальным людям. Так на собрании гомосексуалов протагонист, с одной стороны, испытывает определённое сочувствие к людям, дискриминируемым за их образ жизни (*Конечно, жаль таких, тоже ведь люди, только что мне до них?* [8. С. 88]), с другой стороны, на собрании, где обсуждается притеснение гомосексуальных людей, его обуревают смех: *«...» то и дело прыскал со смеху, прикрывая шляпой лицо. В одиннадцатом часу ему стало уже невмоготу; пора смываться, экий народ странный, и много же их здесь собралось, педерастов этих, – ему здесь делать нечего; пулей вылетел он на улицу и смеялся до самого Алекса* [8. С. 88].

Обращает на себя внимание удивительное сходство реакции протагониста на женщин, евреев и гомосексуалов. Как показывают приведённые примеры, Биберкопф относится к этим группам со смехом (*ухмыляется; хохотал до упаду; прыскал со смеху; смеялся до самого Алекса*). Сходство в восприятии протагонистом евреев, женщин и гомосексуалов, моделируемое нарратором романа, соответствует концепции Ханса Майера, который в своей книге «Аутсайдеры» («Außenseiter», 1975) констатирует присутствие в европейской культуре трёх основных групп аутсайдеров: женщин, евреев и гомосексуалов. Данные маргинализованные группы учёный называет «экзистенциальными аутсайдерами» и противопоставляет их аутсайдерам интенциональным, т.е. тем, которые сами выбирают оппозицию господствующему порядку [13]. Таким образом, в романе «Берлин Александерплац» при помощи нарративных стратегий соположения эпизодов (за визитами персонажа к евреям следуют визиты к женщинам), а также повествовательно создаваемого семантического параллелизма (сходство реакции протагониста на евреев, женщин, гомосексуалов, заключающейся в пренебрежении и смехе) моделируется взаимосвязь гендерного и национального конструирования: доминирующая группа (гетеросексуальные мужчины преобладающей в стране этнической принадлежности) маргинализирует иные национальные и гендерные группы. Исходя из анализа текста, можно говорить о критической дистанции абстрактного автора романа по отношению к гендерному и национальному конструированию, поскольку оно всегда оказывается связанным в романе с дискриминацией, насилием и чувством превосходства одной группы над другой.

Высказывания персонажей романа, фиксирующие гендерные роли и суждения о национальностях, а также создаваемая нарратором аналогия поведе-

ния героев по отношению к представителям различных дискриминируемых групп соотносимы также, с одной стороны, с концепцией перформативного гендера, созданной Джудит Батлер в работе «Гендерное беспокойство» (“Gender Trouble”, 1990), с другой стороны, с теорией английского учёного Бенедикта Андерсона, указавшего в своей книге «Воображаемые сообщества» («Imagined communities», 1983) на дискурсивные способы создания национальных идентичностей. Батлер доказывает отсутствие определённых критериев как пола, так и гендера, показывая, что субъект «есть следствие определённых дискурсов, управляемых по правилам, которые регулируют интеллигибельное обращение индивидуальности» [14. С. 168]. Формирование гендерной идентичности происходит, по Д. Батлер, именно в результате многократного повторения перформативных конструкций и соответствующим закреплением их содержания в сознании. Такими перформативами власть, по теории Д. Батлер, создаёт иллюзию некоей изначально данной, природной субъектности. Аналогичные механизмы конституирования национальной идентичности рассматривает Андерсон, отвергающий эссенциалистский субстрат данного феномена и показывающий, как он формируется в речевом поле [15].

Данное исследование также обнаруживает общность механизмов создания национальных и гендерных конструктов, проявляющуюся как в высказываниях персонажей, так и в повествовательных стратегиях текста. В патриархальном государстве, мыслимом как национальное, женщины и представители иных национальностей являются дискриминируемыми людьми. Лучшие качества приписываются мужским представителям господствующего этноса. Роман «Берлин Александерплац» подхватывает также практику дискурсивного соотнесения женщин и евреев. Гендерные практики, считающиеся носителями господствующего дискурса девиантными, приписываются жителям других стран, представителям других народов. Таким образом происходит формирование национальных и гендерных конструктов, порождённых существующим порядком и направленных на его поддержание.

Литература

1. *Bekes P.* Alfred Döblin Berlin Alexanderplatz. Oldenbourg Interpretationen mit Unterrichtshilfen. München: Oldenbourg Verlag, 1995. 158 S.
2. *Tatar Maria* „Wie süß ist es, sich zu opfern“ Gender, Violence and Agency in Döblin’s *Berlin Alexanderplatz* // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Jg. 1992. Heft 3. S. 491–518.
3. *Rentschler Eric* Terms of Dismemberment: The Body in /and /of Fassbinder’s Berlin Alexanderplatz // New German Critique. 1985. 34. P. 194–208.
4. *Nünning Vera, Nünning Ansgar (Hrsg.)*. Erzähltextanalyse und Gender studies. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2004. 218 S.
5. *Müller-Salget K.* Alfred Döblin und das Judentum. Aus Anlass seines 125. Geburtstags // Literaturkritik. de Rezensionenforum. http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=6305&ausgabe=200308 (дата обращения: 12.11.2015)
6. *Бодрова А.Г.* «Одинокие путешествия» Альмы Карлин: Проблема гибридности культурного контекста // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Спецвыпуск 6. Нальчик, 2013. С. 211–218.
7. *Krobb F.* Die schöne Jüdin. Jüdische Frauengestalten in der deutschsprachigen Erzählliteratur vom 17. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg. Tübingen: Niemeyer, 1993. 294 S.

8. Дёблин А. Берлин Александерплац / пер. Г.А. Зуккау. М.: Гос изд-во худож. лит., 1961. 535 с.
9. Mayer M. Der erste Weltkrieg und die literarische Ethik. Historische und systematische Perspektiven. München: Wilhelm Fink, 2010. 282 S.
10. Döblin A. Berlin Alexanderplatz. 47. Auflage. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 455 S.
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
12. Weininger O. Geschlecht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung. Berlin: Matthes & Seitz, 1980. 667 S.
13. Mayer H. Außenseiter. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1975.
14. Батлер Дж. От пародии к политике // Введение в гендерные исследования / ред. С. Жеребкин; пер. С. Пчелиной. Харьков; Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 164–173.
15. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. 288 с.

THE RELATIONSHIP OF THE NATIONAL AND GENDER CODES IN ALFRED DÖBLIN'S NOVEL *BERLIN ALEXANDERPLATZ*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 47. 100–108. DOI: 10.17223/19986645/47/7

Aleksandra V. Eliseeva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: eliseeva_alexan@mail.ru

Keywords: Alfred Döblin, German prose of 20th century, gender studies, postcolonial studies, gender narratology.

The research is aimed at studying the relation between the national and gender codes in Alfred Döblin's novel *Berlin Alexanderplatz* (1929). This subject is new and has never been viewed in the abundant corpus of research about Döblin's novel. The primary method used is the narratological analysis, with gender-conscious and postcolonial approaches being employed. As a result, the author has detected close links of the national and gender-specific constructs in the novel. The constructs are evident in both the characters' speech and the included intexts (advertisement), as well as in the narrative text strategies and in the text structure. The paper explores the connection (made by Mieke, Franz Biberkopf, Reinhold and others) between the ethnicity (for example Turkish or Russian) of the persons and the sexual behavior that the characters consider deviant (polygamy, exchanging females and so on). By contrast, the German people are endowed both by characters and by advertising slogans with positive connotations: they display common sense, reliability, sense of dignity and beauty. These aspects have gender connotations: common sense, reliability, sense of dignity are attributed to German men, beauty to German women.

The attitudes of the main character, Biberkopf, to Jews, women and homosexuals are remarkably similar: all the three groups provoke his laugh and are not to be taken seriously as from his viewpoint they are subordinate elements to the patriarchal and nationalist community.

The narrator position expresses itself in the text strategies repeatedly linking passages depicting Biberkopf's attitude to Jews and women: after his crisis, the character both goes to the Jewish people, whom he treats disdainfully, and visits and rapes Minna, whose sister he has killed. Taking into account such passages correlation and semantic parallelism one may talk about the narrator critical position to the gender and nationalist discrimination.

The nationalist and gender constructs are viewed here in terms of Judith Butler's gender performativity concept (*Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, 1990) and Benedict Anderson's nation theory (*Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, 1991). The study also elaborates on the results of Hans Mayer's research (*Outsider*, 1981) stating the three main outsider groups in the European culture, namely Jews, women and homosexuals.

The paper highlights the common mechanism of the nationalist and gender code production. The codes appear as a construct that the dominating group (heterosexual men of the prevailing ethnicity) uses as a tool to oppress and marginalize other groups and thus to ensure its power in the society.

References

1. Bekes, P. (1995) *Alfred Döblin Berlin Alexanderplatz. Oldenbourg Interpretationen mit Unterrichtshilfen* [Alfred Döblin's Berlin Alexanderplatz. Oldenbourg interpretations with teaching aids]. München: Oldenbourg Verlag.
2. Tatar, M. (1992) "Wie süß ist es, sich zu opfern" Gender, Violence and Agency in Döblin's Berlin Alexanderplatz. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. 3. pp. 491–518.
3. Rentschler, E. (1985) Terms of Dismemberment: The Body in /and /of Fassbinder's Berlin Alexanderplatz. *New German Critique*. 34. pp. 194–208.
4. Nünning, V. & Nünning, A. (eds) (2004) *Erzähltextanalyse und Gender studies* [Narrative analysis and gender studies]. Stuttgart, Weimar: J.B. Metzler.
5. Müller-Salget, K. (2003) *Alfred Döblin und das Judentum. Aus Anlass seines 125. Geburtstags* [Alfred Döblin and Judaism. On the occasion of his 125th birthday]. [Online] Available from: http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rez_id=6305&ausgabe=200308. (Accessed: 12.11.2015).
6. Bodrova, A.G. (2013) "Odinokie puteshestviya" Al'my Karlin. Problema gibridnosti kul'turnogo konteksta [The Alone Travels by Alma Carlin. The Problem of the Hybridity of the Cultural Context]. In: Alikaev, R.S. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* [Russian Germanic Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists]. Is. 6. Nalchik: Kabardino-Balkaria State University.
7. Krobb, F. (1993) *Die schöne Jüdin. Jüdische Frauengestalten in der deutschsprachigen Erzählliteratur vom 17. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg* [The beautiful Jewess. Jewish women's formations in German-speaking literature from the 17th century to the First World War]. Tübingen: Niemeyer.
8. Döblin, A. (1961) *Berlin Aleksanderplats* [Berlin Alexanderplatz]. Translated from German by G.A. Zukkau. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
9. Mayer, M. (2010) *Der erste Weltkrieg und die literarische Ethik. Historische und systematische Perspektiven* [The First World War and Literary Ethics. Historical and systematic perspectives]. Munich: Wilhelm Fink.
10. Döblin, A. (2008) *Berlin Alexanderplatz. 47. Auflage*. Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag. (In German).
11. Schmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
12. Weininger, O. (1980) *Geschlecht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung* [Sex and character. A principal investigation]. Berlin: Matthes & Seitz.
13. Mayer, H. (1975) *Außenseiter* [Outsider]. Frankfurt; Moscow: Suhrkamp.
14. Butler, J. (2001) Ot parodii k politike [From parody to politics]. Translated from English by S. Pchelina. In: Zherebkin, S. (ed.) *Vvvedenie v gendernyye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Kharkov, St. Petersburg: Aletyya.
15. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary communities]. Moscow: Kannon-press-Ts.